

СОЦИОЛОГИЯ СТАРОСТИ

DOI: 10.14515/monitoring.2016.2.04

Правильная ссылка на статью:

Арбер С. Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса* / пер. с англ. Е. В. Вьюговской, А. А. Ипатовой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 59—78.

For citation:

Arber S. Gender and ageing in global context: role of marital status / translated by E. V'yugovskay, A. Ipatova // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 2. P. 59—78.

С. Арбер

СТАРЕНИЕ И ГЕНДЕР В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: РОЛЬ СЕМЕЙНОГО СТАТУСА

СТАРЕНИЕ И ГЕНДЕР В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: РОЛЬ СЕМЕЙНОГО СТАТУСА

GENDER AND AGEING IN GLOBAL CONTEXT: ROLE OF MARITAL STATUS

*АРБЕР Сара — профессор социологии в Центре возрастных и гендерных исследований, отделение социологии Университета Суррея, Гилфорд, Великобритания.
E-mail: S. Arber@surrey.ac.uk*

*ARBER Sara — Professor of Sociology, Centre for Research on Ageing and Gender (CRAG), Department of Sociology, University of Surrey, Guildford, Surrey, UK.
E-mail: S. Arber@surrey.ac.uk*

Аннотация. В статье исследуется область пересечения гендера и семейного положения в старшем возрасте; изучается возможная связь гендерных различий и доступа к социальной и семейной поддержке в старшем возрасте. Глобализация и трансформирующиеся культурные нормы оказывают глубокое воздействие на отношения между поколениями, приводят к изменениям характера и масштабов межпоколен-

Abstract. The article examines the intersection of gender and marital status and links between gender differences and access to social support in later life. Globalization and changing cultural norms dramatically affect inter-generational relations and lead to inter-generational transfers. The basic reasons behind these changes are rural-urban migration, increase in the participation of women in the paid labor, break-up of the

* Переработанный вариант статьи: Arber S. Gender, Marital Status and Intergenerational Relations in a Changing World // Global Ageing in the 21st Century: Challenges, Opportunities and Implications / ed. by S. McDaniel and Z. Zimmer. Farnham, Surrey: Ashgate, 2013. P. 215—234.

ных потоков (трансфертов). Основные причины изменений: рост миграции между странами и между сельскими и городскими районами; усиление роли женщин в сфере оплачиваемого труда; разрушение традиции совместного проживания в расширенной семье; сокращение рождаемости и уменьшение размера семьи.

Ключевые слова: гендер, старение, межпоколенные потоки, семейное положение, социальная поддержка, старший возраст

extended family, declining fertility rates and decrease in family size.

Keywords: gender, marital status, inter-generational relations, ageing

Многочисленные дискуссии о потребностях пожилых людей в поддержке и уходе подтверждают общемировую тенденцию старения общества; разговоры о возможной связи гендерных различий и доступа к поддержке в случае возникновения немощи и инвалидности в старости звучат гораздо реже. Несмотря на то что семейное положение является основополагающим фактором благополучия в старшем возрасте [Arber, Ginn, 1991, 1995; Gaymu et al., 2008], масштабы гендерных различий в семейном положении, различия между обществами, а также последствия, к которым это приводит, до сих пор не определены. Важно учитывать взаимосвязь гендера и семейного положения, а также то, какие изменения эта взаимосвязь претерпевает с течением времени [Arber, 2004a, 2004b; Manning, Brown, 2011].

Цель данной статьи — исследование области пересечения гендера и семейного положения в старшем возрасте в различных обществах и того, как это связано с отношениями между поколениями. Ввиду глобальных изменений, когда речь идет об изучении доступа к социальной и семейной поддержке в старшем возрасте, принципиально важно рассматривать взаимосвязь гендера и семейного положения.

Глобализация и изменения, влияющие на отношения между поколениями

Стремительные социальные изменения, связанные с глобализацией и трансформирующимися культурными нормами, оказывают глубокое воздействие на отношения между поколениями и характер трансфертов от одного поколения к другому. Можно выделить четыре изменения.

Во-первых, в рамках мирового рынка труда происходит международная миграция молодежи и людей среднего возраста в другие страны в поисках работы, например, из Филиппин в Сингапур (работа в качестве прислуги) или Великобританию (работа в качестве младшего медицинского персонала), из Польши и стран Центральной Европы в Великобританию (для всех видов работ), а также из Индии и Бангладеш для поиска работы в Саудовской Аравии и странах Персидского залива [Isaksen et al., 2008].

В то же время быстрая индустриализация многих стран с развивающейся экономикой, таких как Китай, Индия, Мексика, происходит на фоне огромных миграционных потоков из сельской местности в города, при этом люди старшего поколения (а часто и их внуки) остаются в сельских районах. Например, в 2005 г. в Китае насчитывалось 147 млн переселенцев из сельской зоны в городскую [National Statistics Bureaus of China 2006, цит. по Guo et al., 2009].

Вторым важным изменением является усиление роли женщин в сфере оплачиваемого труда по всему миру. Сегодня в странах Северной Европы большинство женщин с детьми работают полный рабочий день, а также во время декретного отпуска [Saraceno, 2008]. Количество семей с традиционной структурой, где женщина является исключительно домохозяйкой и хранительницей домашнего очага, резко сократилось. Последствия такого изменения влияют на то, кто ухаживает за детьми (во время оплачиваемой работы матери), а также немощными и недееспособными лицами старшего возраста, если таковые нуждаются в заботе и поддержке. Основной вопрос, который обсуждается в Европе, заключается в том, должна ли такая помощь предоставляться государством через службы социальной поддержки или быть оказана силами самой семьи. Иными словами, заменяют или вытесняют меры государственной поддержки помощь внутри семьи или же государственная поддержка лишь дополняет ее [Kunemund, 2008; Keck, 2008].

Третье изменение, в свою очередь являющееся следствием двух предыдущих, — это разрушение традиции совместного проживания в расширенной семье, например, в трехпоколенной. Естественное следствие увеличения числа тех, кто проживает в нуклеарной семье, состоит в том, что все больше людей старшего возраста живет отдельно от молодых родственников, либо в паре с супругом (супружеская семья), либо одни (одиночное домохозяйство). Сильверстайн и коллеги [Silverstein, Cong, Li, 2006] обнаружили, что в традиционной сельской местности Китая всего 23 % родителей живут в трехпоколенных семьях.

И, наконец, в-четвертых, и это тоже взаимосвязано с другими социальными изменениями, снижается рождаемость и уменьшается размер семьи. Во многих странах, например, в Италии и Германии, уровень рождаемости не превышает уровня воспроизводства населения уже более двух десятилетий. Китай проводит политику «одна семья — один ребенок» уже более 30 лет, и все чаще ребенок из такой семьи вступает в брак с другим единственным ребенком, в результате чего пара может столкнуться с необходимостью оказывать поддержку четверым родителям (родителям жены и мужа) в случае немощи или инвалидности последних. Почти во всех странах, где упала рождаемость, все меньше детей способны впоследствии обеспечить заботу и поддержку растущему пожилому населению. В то же время существенно увеличивается бездетность, например, в Великобритании: по имеющимся оценкам, 30 % женщин, которым исполнилось 35 лет, останутся бездетными. Кто в старости будет заботиться о тех, у кого нет детей?

Из-за сокращения рождаемости и снижения смертности расширенные семьи, состоящие из трех или четырех поколений, все чаще строятся по принципу вертикальной модели: иногда их называют вертикальными семьями ('bean-pole' families). Структура перегруженной сверху семьи ('top heavy' families), с большим количеством дедушек и бабушек, а не внуков, становится все более общеприня-

той, тогда как в прошлом преобладала пирамидальная структура семьи, с большим количеством внуков и детей и меньшим числом бабушек и дедушек [Hagestad, 2006; Arber, Timonen, 2012]. Кроме того, сегодня распространена модель усеченной семьи, в которой отсутствуют младшие поколения [Hagestad, Herlofson, 2005]. Общества различаются по степени, в которой в них представлены вертикальная, перегруженная сверху или пирамидальная структуры семьи, равно как и по уровню распространенности усеченных семей. От модели устройства семьи зависят отношения между поколениями и распределение между ними материальных средств, что особенно затрагивает женщин старшего возраста.

Межпоколенные потоки (или трансферты)

Критическую ситуацию, сложившуюся с обеспечением ухода за пожилыми людьми (так называемый кризис ухода за пожилыми, crisis of care), следует рассматривать в более широком контексте отношений между поколениями, которые, в свою очередь, можно представить в виде множества восходящих и нисходящих потоков между поколениями. На рис. 1 схематично изображены различные типы взаимопомощи между членами семьи — представителями четырех поколений.

Характер и масштаб таких потоков постоянно меняются ввиду ряда уже упомянутых факторов: миграции, увеличения профессиональной занятости женщин, сокращения числа домохозяйств, состоящих из нескольких поколений, увеличения числа семей с одним ребенком и бездетных граждан.

- F Финансовая и материальная помощь (Financial and material support)
- Co Совместное проживание (Co-residence)
- CC Забота о детях (Childcare)
- EC Уход за людьми старшего возраста (Eldercare)
- E Эмоциональная поддержка (Emotional support)

Рисунок 1. Характер межпоколенных потоков

Существуют четыре основных типа межпоколенных трансфертов: (1) финансовые и материальные потоки; (2) совместное проживание; (3) уход за детьми и (4) уход за слабыми людьми старшего возраста (или оказание помощи). Первые два типа потоков могут происходить в любом направлении — по восходящей или нисходящей линиям, последние два типа в основном однонаправленны и противоположны друг другу.

Существует взаимосвязь между распространенностью каждого межпоколенного потока и его направленностью. Характер, объем и направление потоков заметно различаются в зависимости от общества, прежде всего в соответствии с особенностями предоставления государством социальных благ [Saraceno, 2008], а также в соответствии с четырьмя изменениями, обозначенными выше. Кратко рассмотрим каждый поток.

Финансовые и материальные потоки

Большое исследование в Европе и Северной Америке показало, что сильнее всего выделяются нисходящие финансовые потоки от родителей во втором поколении (или в третьем поколении) к детям (родителям в первом поколении) и внукам [Attias-Donfut, Wolff, 2000a, 2000b; Albertini et al., 2007]. Эти процессы между живыми родственниками могут происходить в течение долгого времени, например, оплата обучения внуков, покупка собственного жилища совершеннолетнему ребенку, подарки; сюда же относятся и более значительные финансовые потоки, осуществляемые через наследование. Такие нисходящие финансовые потоки, с одной стороны, способствуют увеличению неравенства между социальными группами в обществе, а с другой — выравнивают финансовые ресурсы между поколениями [Hagestad, Herlofson, 2005].

Один из ключевых факторов успеха многих социально ориентированных государств и пенсионных систем заключается в том, чтобы сделать людей старшего возраста материально независимыми от своих совершеннолетних детей и дать им возможность проживать отдельно. Даже в западных странах с низкими государственными пенсиями, например, в Великобритании, несмотря на то что многих людей старшего возраста формально можно отнести к бедным, их уровень бедности редко бывает так низок, чтобы они нуждались в финансовой поддержке со стороны членов семьи для обеспечения существования.

Совсем по-другому обстоит дело в развивающихся странах, где пенсионные системы только начинают свое становление и большинство людей старшего возраста живут за счет собственных средств: оплачиваемой работы, натурального сельского хозяйства или сбережений. Если люди старшего возраста имеют малые финансовые и пенсионные средства и не в состоянии работать или зарабатывать деньги другим способом, они, как правило, зависят от членов домохозяйства или других родственников, в основном от своих совершеннолетних детей.

Например, в Китае и в странах с высоким уровнем сельско-городской и транснациональной миграции взрослые дети, работающие в городе, могут отправлять значительные денежные переводы своим родителям, проживающим в сельской местности [Silverstein et al., 2006; Baker, Silverstein, 2012]. Таким образом, восходящие потоки финансовых ресурсов от среднего поколения к старшему в основном

осуществляются в странах с ограниченными системами пенсионного и социального обеспечения людей старшего возраста.

Совместное проживание

Обычно, когда домохозяйство состоит более чем из одного поколения, межпоколенные отношения и трансферты осуществляются естественным (невидимым и незаметным) образом. В условиях совместного проживания, когда жилое помещение и питание являются общими, понятие о финансовых или материальных трансфертах от одного поколения членов семьи к другому, проживающих в одном доме, утрачивает актуальность.

Однако как только домохозяйство разделяется и поколения начинают жить отдельно, каждой семье приходится самостоятельно оплачивать жилье и питание. Хорошо известно, что проживание несколькими поколениями или расширенной семьей менее затратно, чем проживание отдельными домохозяйствами. Все чаще во многих странах Европы совершеннолетние дети продолжают жить вместе с родителями достаточно долгое время, что представляет собой существенный нисходящий поток финансовой, материальной и эмоциональной поддержки.

Совместное проживание представителей нескольких поколений в большинстве случаев препятствует возможности оценить значение материальных или финансовых трансфертов в обоих направлениях, связанных с совместным проживанием. Забота родителей о своих детях остается незамеченной и, как правило, не рассматривается в качестве межпоколенного трансферта. Однако когда взрослое поколение отсутствует, поскольку работает в городской местности или другой стране, остро ощущается нормативный характер родительской заботы (в первую очередь, материнской) о своих детях.

Там, где старшее поколение разделяет домашнее хозяйство со средним и/или младшим поколениями, есть вероятность ежедневных множественных потоков поддержки в обоих направлениях. Частота и сложное переплетение трансфертов домашних обязанностей, практической помощи, а также эмоциональной и социальной поддержки означают, что они обычно невидимы и их значение становится очевидно только в том случае, когда один или несколько членов семьи переезжают в отдельное домохозяйство, где данные потоки могут легче распознаваться, измеряться и называться не иначе как финансовая поддержка, практическая помощь, забота или просто посещение.

Забота о детях

Характер заботы о детях меняется по мере их взросления, от ежедневного 24-часового физического и практического (инструментального) ухода до возрастной и эмоциональной поддержки. Когда среднее поколение или (на практике) мать отсутствует, бабушки и дедушки (в основном бабушки) зачастую принимают на себя родительскую роль. Такое происходит там, где взрослый ребенок умирает (например, от СПИДа в Африке) или оказывается не в состоянии выполнять стандартные материнские обязанности (например, из-за наркозависимости в США), — в таких случаях бабушки и дедушки могут взять на себя полноценную роль родителей по отношению к проживающим вместе с ними внукам. Таких (осуществляющих опеку) бабушек и дедушек принято называть «хранителями детей» («child savers») [Arber, Timonen, 2012]. В случаях сельско-городской или транснациональной

миграции среднего поколения дети зачастую либо сразу остаются в сельских районах, либо отсылаются туда, чтобы жить вместе с бабушками и дедушками или другими родственниками.

В Китае доля таких домохозяйств с отсутствующими поколениями, включающих старшее и младшее поколения без среднего, резко выросла в сельской местности [Silverstein et al., 2006]. Бабушки и дедушки в таких домохозяйствах не только выполняют родительские обязанности, заботясь о своих внуках на постоянной основе, но и играют ключевую роль в обеспечении собственных взрослых детей возможностью работать и зарабатывать деньги в городах [Baker, Silverstein, 2012].

В обществах, где доступ к государственным услугам по уходу за детьми или воспитанию в детских садах ограничен или дорогостоящ, недостаточно высоки заработные платы женщин, основным вариантом для них, если они желают или испытывают финансовую необходимость работать полный рабочий день, — ежедневно отдавать детей на попечение одному или обоим родителям, т. е. бабушке и дедушке.

Такие бабушки и дедушки могут рассматриваться не иначе как «хранители матерей» («mother savers»), поскольку они не только позволяют улучшить финансовое благополучие среднему поколению, но и способствуют благополучию и развитию внуков, что представляет собой значительную временную, практическую и эмоциональную самоотдачу старшего поколения [Arber, Timonen, 2012].

Для сравнения: в странах Северной Европы, несмотря на то что бабушки и дедушки не вовлечены в повседневный процесс воспитания внуков, они, как правило, являются первым прибежищем при возникновении кризиса или чрезвычайной ситуации, когда требуется дополнительная помощь по уходу за детьми, например, в случае плохого самочувствия ребенка; их можно охарактеризовать как «хранители семьи» («family savers») [Herlofson, Hagestad, 2012].

Забота о детях и внуках, по определению, представляет собой нисходящий поток ресурсов по уходу и воспитанию от одного поколения к другому. Несмотря на то что трансферты от старшего поколения часто описываются независимо от пола, в первую очередь они осуществляются от женщин старшего поколения к среднему, так как основную часть заботы о внуках обеспечивают бабушки или другие родственники женского пола.

Забота о немощных родственниках или родственниках старшего возраста

Если пожилой человек становится немощным, приобретает физический или умственный недуг, он, чтобы оставаться частью общества с большой долей вероятности нуждается в регулярном или ежедневном уходе. Чаще всего помощь в соблюдении личной гигиены и обеспечении необходимыми продуктами оказывают другие члены семьи. Когда пожилой человек состоит в браке, такую поддержку обычно осуществляет супруг или супруга, за исключением случаев, когда пожилая пара совместно проживает в расширенной семье, состоящей из нескольких поколений, тогда главным лицом, осуществляющим уход, оказывается дочь (или невестка, сноха).

В Великобритании, когда лицу старшего возраста, находящемуся в браке, требуется уход, он почти всегда обеспечивается супругом, независимо от пола [Arber, Ginn, 1991, 1992; Rose, Bruce, 1995]. Однако во многих патриархальных обществах и там, где присутствует жесткая половая дифференциация, забота

мужей о своих женах как культурная норма может слабо проявляться или вовсе отсутствовать.

В Великобритании, Европе и Северной Америке лишь незначительная часть людей старшего возраста проживает вместе с совершеннолетними детьми. После смерти супруга большинство людей старшего возраста живут одни, а не со своими взрослыми детьми или другими родственниками. Как следствие, пожилые женщины и мужчины, живущие одни, вынуждены полагаться либо на поддержку государственных социальных служб и оплачиваемых сиделок, либо на членов семьи или друзей, живущих в другом месте. Европейские государства заметно различаются в размерах социального обеспечения населения старшего возраста, демонстрируя четкую грань между Севером и Югом [Hagestad, 2006].

Но даже в странах Северной Европы с высоким уровнем государственного социального обеспечения члены семьи дополняют государственную поддержку и оказывают всестороннюю помощь пожилым родителям. Большинство исследований показывают, что основная часть заботы о немощных людях старшего возраста, которые живут одни, ложится на плечи дочерей, осуществляющих уход на расстоянии. Таким образом, неформальная забота о людях старшего возраста либо осуществляется одним и тем же поколением между супругами (иногда братьями и сестрами или друзьями), либо представляет собой восходящий поток от среднего (или младшего) поколения.

Доступ к помощи может быть особенно проблематичным для усеченных поколений — семей, в которых люди старшего возраста не имеют детей. Вместе с быстрым ростом бездетности и количества семей с одним ребенком дети могут умирать раньше своих родителей, в том числе от СПИДа (особенно в Африке). Таким образом, большая доля людей в будущем достигнет преклонных лет без детей. Когда потребуются практический уход и поддержка, они должны будут полагаться не на своих детей, а на других людей, что может быть особенно сложно в случае вдовства, развода или отсутствия партнера, который мог бы оказать такую помощь. Бездетным людям, которые становятся немощными или нетрудоспособными, придется рассчитывать на поддержку со стороны государства, друзей или более дальних родственников, например, племянниц или братьев и сестер. Однако сокращение государством расходов на социальную сферу означает, что роль государства в поддержке старшего поколения в будущем, вероятно, уменьшится [Estes and Wallace, 2010].

Оценка общего объема трансфертов между поколениями

Мы проанализировали большой объем информации, чтобы определить, превосходят ли нисходящие потоки от старшего поколения к среднему (или младшему) восходящие потоки от среднего поколения к старшему [Attias-Donfut, Woolf, 2000a, 2000b; Kohli et al., 2000], и пришли к заключению, что в европейских странах гораздо больше нисходящих финансовых потоков, нежели восходящих. Тем не менее оценить финансовые потоки легче, чем рассчитать значение практической помощи и проявляемой заботы.

Несмотря на общее число нисходящих потоков, основные разговоры на тему быстрого увеличения стареющего населения и последующего бремени оплаты и/или ухода за немощными людьми старшего возраста прежде всего сосредото-

ны на неустойчивом характере восходящих потоков. Нисходящие потоки с точки зрения финансового содействия и заботы, оказываемых старшим поколением среднему и младшему, рассматриваются редко. Также почти полностью упускается из внимания гораздо более ощутимый общественный вклад старшего поколения с точки зрения их роли в поддержке семьи, добровольного труда и т. д.

Общественные изменения, такие как рост миграции между странами и между сельскими и городскими районами, означают, что характер и масштабы потоков могут измениться. Хотя денежные переводы часто осуществляются от среднего поколения к старшему, проживающему на родине [Silverstein et al., 2006; Baker, Silverstein, 2012], как правило, гораздо труднее обеспечить повседневную практическую помощь и уход за немощным или нетрудоспособным родителям на расстоянии сотен или тысяч километров. Таким образом, региональная миграция потенциально формирует брешь в заботе (care gap) для поколения старшего возраста, оставшегося в сельской местности или в родной стране. Представляется, что такие общественные изменения и изменения отношений между поколениями негативно влияют на женское благополучие в старости больше, чем на мужское.

Феминизация старости на межнациональном уровне

Основные социально-политические публикации по проблемам старения часто представляют людей старшего поколения как бесполом и нуждающихся в уходе, независимо от того, пожилой человек или старей [Bould, Casaca, 2011]. И это несмотря на обширные исследования ученых — приверженцев феминизма, которые оспаривают прежние взгляды на старшее поколение как гомогенное, а также констатируют различия, связанные с полом, классом, расой, национальностью и сексуальной жизнью [Arber, Ginn, 1991, 1995; Calasanti, Slevin, 2001, 2006; Mutchler, Burr, 2011]. В то же время политики и аналитики в основном озабочены социальными проблемами, связанными со старением населения. Подавляющее большинство людей старшего возраста, которые нуждаются в уходе и, соответственно, рассматриваются как бремя для родственников или для государства, составляют женщины, в основном вдовы. Данная часть статьи будет посвящена численному преобладанию женщин старшего возраста, а ниже мы рассмотрим вероятность женщины остаться вдовой, тогда как большинство мужчин старшего возраста умрут в браке первыми.

Почти во всех странах мира женщины живут дольше мужчин. Показатели средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении для обоих полов приведены в табл. 1. Влияние пола на продолжительность жизни имеет разный диапазон: например, в России и некоторых странах Восточной Европы женщины живут в среднем на 12 лет дольше мужчин, а в Индии, Бангладеш и Алжире разница составляет всего 1—2 года. Высокие или привычные гендерные различия в продолжительности жизни можно обнаружить в большинстве европейских и других развитых стран, где женщины в среднем живут на 4—7 лет дольше, чем мужчины.

Разница в средней продолжительности жизни мужчин и женщин во Франции и Японии составляет 6,8 лет, а в Великобритании — 4,2 года. Многие страны испытывают снижение феминизации старости из-за стойкого улучшения показателей мужской смертности, например, в Великобритании в последние 30 лет [Arber, Ginn,

2005]. Некоторые развивающиеся страны, например, Бразилия, имеют значительную гендерную разницу (7,6 лет) в средней продолжительности жизни, а показатели гендерных различий во многих развивающихся странах сопоставимы с показателями в западных странах, например, Чили и Сингапур (5,6 и 4,9 лет соответственно).

Таблица 1. **Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении и в возрасте 65 лет с точки зрения пола и страны**

	Средняя продолжительность жизни при рождении			Средняя продолжительность жизни в возрасте 65 лет		
	Муж.	Жен.	М/Ж разница	Муж.	Жен.	М/Ж разница
<u>Заметная разница</u>						
Канада — 2006—2008	78,5	83,2	+4,7	18,3	21,5	+3,2
США — 2008	75,6	80,6	+5,0	17,3	20,0	+2,7
Япония — 2010	79,6	86,4	+6,8	18,9	23,9	+5,0
Франция — 2009	77,6	84,4	+6,8	18,3	22,5	+4,2
Финляндия — 2009	76,5	83,1	+6,6	17,2	21,2	+4,0
Великобритания — 2006—2008	77,4	81,6	+4,2	17,4	20,0	+2,6
Сингапур — 2010	79,3	84,1	+4,8	18,1	21,5	+3,4
Куба — 2005—2007	76,0	80,0	+4,0	17,1	19,3	+2,2
Чили — 2010	75,8	81,2	+5,4	16,9	19,9	+3,0
Бразилия — 2009	69,4	77,0	+7,6	16,3	19,1	+2,8
<u>Значительная разница</u>						
Россия — 2009	62,8	74,7	+11,9	12,0	16,4	+4,4
Белоруссия — 2010	64,6	76,5	+11,9	11,7	16,7	+5,0
Эстония — 2010	70,6	80,5	+9,9	14,6	18,8	+4,2
<u>Незначительная разница</u>						
Индия — 2002—2006	62,6	64,2	+1,6	13,6	15,4	+1,8
Бангладеш — 2010	66,7	68,8	+2,1	13,8	14,6	+0,8
Египет — 2011	68,6	71,4	+2,8	12,2	12,3	+0,1
Алжир — 2010	75,6	77,0	+1,4	17,7	18,1	+0,4

Источник: UN (2012), табл. 22.

Гендерные различия в смертности варьируются между обществами по ряду причин, включая разницу между ролями мужчины и женщины в оплачиваемой занятости (например, опасности, профессиональные риски и стрессы, связанные с трудовой деятельностью), мужской и женский образы жизни и поведение, сопряженное с риском (мужчины ведут более рискованный образ жизни, вызванный курением, употреблением алкоголя, автомобильными происшествиями), а также культурные роли и ценности женщин в сравнении с мужчинами [Arber, Thomas, 2001]. Равенство полов приводит к увеличению числа женщин, берущих на себя мужские роли на рабочих местах, имеющих аналогичные уровни рискованного поведения, что в будущем с высокой долей вероятности приведет к снижению разницы в средней продолжительности жизни между мужчинами и женщинами.

В странах, где показатели смертности (и ожидаемой продолжительности жизни) не имеют четкой гендерной специфики, например, в Индии и Бангладеш (табл. 1), женщины, вероятно, обладают низким социальным статусом, испытывают недостаток в питании, ограничены в доступе к медицинскому обслуживанию, переживают частые роды и имеют высокий уровень материнской смертности

[Santow, 1995; Doyal, 1995; Fuse, Crenshaw, 2006]. Гендерные различия в средней продолжительности жизни, вероятно, ниже в обществах, где больше ценятся мальчики и мужчины, нежели девочки и женщины. В таких обществах по мере уменьшения показателей материнской смертности, а также появления равной культурной значимости обоих полов и гендерные различия в ожидаемой продолжительности жизни будут увеличиваться.

В ряде стран уровень средней ожидаемой продолжительности жизни женщин старше 65 лет соответствует уровню мужчин, как например, в Египте (табл. 1). Поэтому важно понять, какие общественные или культурные факторы приводят к тому, что в некоторых обществах ожидаемая продолжительность жизни женщин старше 65 лет не отличается от продолжительности жизни мужчин и в чем отличие от более традиционной модели, согласно которой женщины в возрасте 65 лет могут рассчитывать на продолжительность жизни на 3—4 года больше, чем мужчины. Во многих развивающихся странах, вероятно, улучшение медицинского обслуживания и экономическое развитие идут рука об руку с увеличивающимся численным преобладанием женщин над мужчинами в старшем возрасте. Таким образом, в будущем все больше развивающихся стран достигнут такого гендерного соотношения в смертности, какое наблюдается в странах Европы с заметной разницей (табл. 1).

Численное соотношение полов в старшем возрасте

Гендерные различия в средней продолжительности жизни являются основным фактором, влияющим на численное соотношение между полами в старшем возрасте. Почти во всех обществах доля женщин по отношению к мужчинам увеличивается с возрастом. На рис. 2 показана степень феминизации старости в ряде стран. В большинстве европейских и западных стран численность женщин превышает численность мужчин на 30—50% в возрасте старше 65 лет, и этот избыток женщин с возрастом увеличивается. Из рис. 2 следует, что в Великобритании, Франции и США в возрасте 85—89 лет женщин в два раза больше, чем мужчин, и данный показатель увеличивается в три раза к возрасту в 90—94 лет. В Великобритании и Франции к возрасту старше 95 лет этот показатель увеличивается более чем в четыре раза.

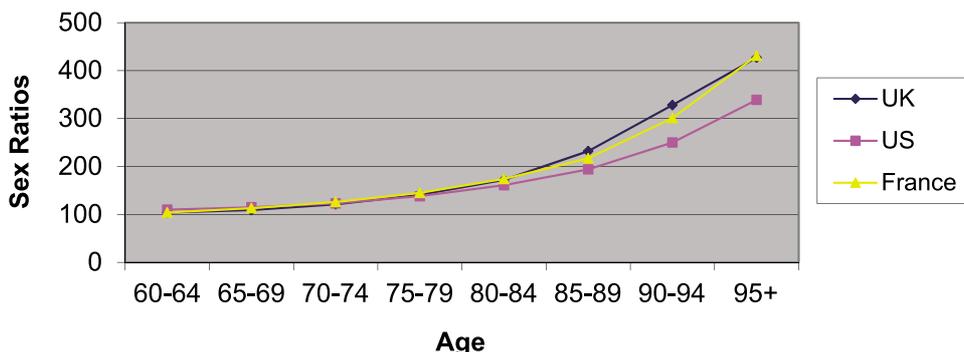

Рисунок 2. Соотношение полов (Sex Ratios) в возрастных группах (Age) от 60 лет с интервалом в 5 лет в Великобритании, США и Франции (UK, US and France)

Источник: UN (2008), табл. 7.

Тем не менее в странах с аномально высокими гендерными различиями в средней продолжительности жизни преобладание женщин старшего возраста по отношению к мужчинам более устойчиво. На рис. 3 показано, что в России и Эстонии женщин в возрасте старше 70 лет в два раза больше, чем мужчин (в Великобритании — 41 %); к возрасту 86—89 лет женщин становится больше в четыре раза (в Великобритании в 2,3 раза). Таким образом, в России и странах Восточной Европы подавляющая часть населения старшего возраста, нуждающаяся в финансовой поддержке и уходе, состоит из женщин.

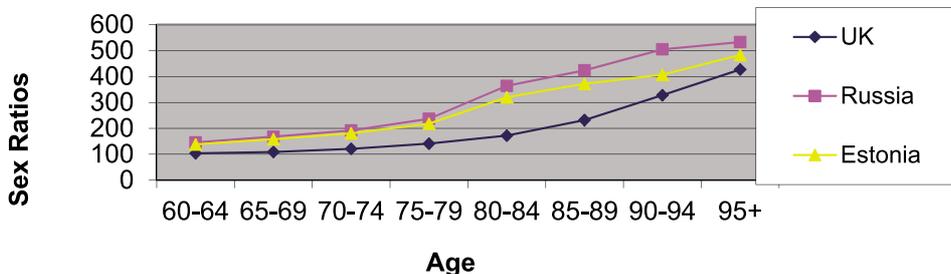

Рисунок 3. Соотношение полов (Sex Ratios) в возрастных группах (Age) от 60 лет с интервалом в 5 лет в России, Эстонии и Великобритании (Russia, Estonia and UK)
Источник: UN (2008), табл. 7.

По-другому обстоит дело в странах с незначительной гендерной разницей в ожидаемой продолжительности жизни. На рис. 4 приведены данные по Пакистану, Индии и Кубе (которая имеет малый показатель гендерного различия в средней продолжительности жизни). Индия не демонстрирует численного преобладания женщин во всех возрастных группах старше 65 лет, что отличается практически от всех остальных стран. В Пакистане во всех возрастных группах старше 60 лет мужчин больше, чем женщин.

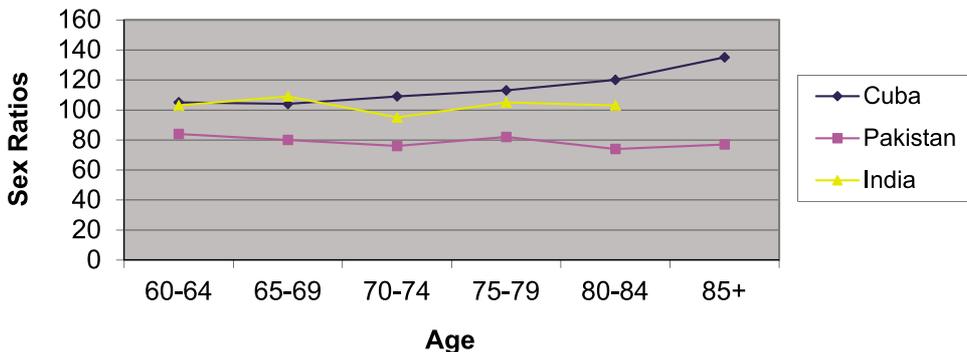

Рисунок 4. Соотношение полов (Sex Ratios) в возрастных группах (Age) от 60 лет с интервалом в 5 лет в Индии, Пакистане и на Кубе (India, Pakistan and Cuba)
Источник: UN (2008), табл. 7.

Отсутствие феминизации старости в Индии, Бангладеш и других странах с незначительными или низкими гендерными различиями в средней ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 65 лет, вероятно, отражает тот факт, что в таких странах пожилые женщины и мужчины имеют разную культурную значимость. Это может проявляться и в том, что в таких обществах женщины преклонных лет, оставшиеся без мужей, бедствуют.

Все большая феминизация старости означает, что основную часть людей старшего возраста, нуждающихся в поддержке и уходе в позднем возрасте, составят женщины. Кроме того, будущие общественные изменения могут привести в развивающихся странах к еще более сильному преобладанию числа женщин по мере старения населения.

Женщины старшего возраста, вдовство и уход

В старшем возрасте семейное положение определяет финансовое благосостояние, жилищные условия, уход и социальные отношения, но для пожилых женщин и мужчин влияние семейного статуса неоднородно. Поэтому важно понять, как гендерные различия в семейном положении меняются с возрастом. Вдовство является важным статусным переходом, и оно часто представляет собой потерю партнера 40—50 лет, который, вероятно, был основным источником общения, поддержки и заботы.

Гендерные различия в средней продолжительности жизни и увеличивающееся с возрастом численное преимущество женщин над мужчинами означают, что большая часть женщин старшего возраста станет вдовами. Однако доля вдов в обществе не может высчитываться только из гендерных различий в средней продолжительности жизни и меняющегося с возрастом гендерного соотношения. Соотношение между числом людей старшего возраста, состоящих в браке, и числом овдовевших также зависит от гендерных различий в возрасте вступления в брак.

Во многих европейских и западных обществах мужчины в среднем на 2—3 года старше женщин на момент вступления в первый брак. Если к этому возрасту добавить количество лет, на которые женщины живут дольше мужчин, то, например, во Франции, где гендерный разрыв в средней продолжительности жизни составляет 7 лет, французской женщине предстоит пережить своего мужа на 9—10 лет. Между тем разница в возрасте вступления в брак гораздо больше в развивающихся странах, а также в повторных браках.

Гендерные различия в семейном положении в старшем возрасте

Во всех обществах подавляющее большинство мужчин старшего возраста женаты. В случае своей нетрудоспособности они имеют партнера для помощи по домашнему хозяйству, общения и ухода. У женщин ситуация иная. Возьмем четыре страны: Канаду, Эстонию, Японию и Турцию. По данным ООН, в каждой из этих стран три четверти мужчин старше 65 лет состоят в браке (от 69 % в Эстонии до 88 % в Турции), а менее половины женщин замужем (от 27 % в Эстонии до 48 % в Японии). В возрасте старше 80 лет две трети мужчин состоят в браке, для женщин эти цифры куда более удручающие: от 7 % в Эстонии до 15 % в Японии и 22 % в Турции.

Получается, что в старшем возрасте состоять в браке является нормой для мужчин, овдоветь — нормой для женщин. Среди женщин старше 65 лет больше вдов, чем замужних, а к 80-летнему возрасту вдовами становятся уже 80 % женщин. Несмотря на то что выбранные четыре страны имеют культурные и экономические различия, в каждой налицо устойчивая закономерность в соотношении женатых мужчин и овдовевших женщин в старшем возрасте.

В то же время доля разведенных или никогда не состоявших в браке людей старшего возраста в Эстонии (18 %), Канаде (13 %) и других западных странах выше, чем в Турции (0,8 %), Японии (5 %) и многих азиатских или ближневосточных государствах. Как следствие, различаются межпоколенные отношения и потребность в уходе, поскольку разведенные или никогда не состоявшие в браке люди старшего возраста (особенно мужчины) обычно имеют малое число родственников, которые могут обеспечить им уход, если они станут немощными или нетрудоспособными [Arber, Ginn, 1991; Arber, 2004a, 2004b].

Есть еще один способ продемонстрировать тот факт, что большинство мужчин старшего возраста находятся в браке, а большинство женщин старшего возраста являются вдовами: изучить гендерное соотношение среди состоящих в браке и среди овдовевших. В табл. 3 мы указали соотношение состоящих в браке и вдовствующих мужчин и женщин в возрасте от 65 и от 80 лет для пяти стран: Канады, Франции, Эстонии, Японии и Турции. Наименьшее значение этого показателя в Турции (1,25), наибольшее — в Эстонии (2,05).

Таблица 2. Семейное положение в возрасте от 65 и от 80 лет в Канаде, Франции, Эстонии, Японии и Турции

	Канада, 2001	Франция, 1999	Эстония, 2000	Япония, 2000	Турция, 2000
Возраст 65+					
состоящие в браке	56,4	55,8	40,9	62,3	65,1
овдовевшие	30,7	32,1	39,8	32,1	34,1
разведенные и никогда не состоявшие в браке	12,9	12,1	19,3	5,4	0,8
Всего	100%	100%	100%	100%	100%
N=	3 888 560	9 749 280	202 973	21 645 928	3 796 430
Возраст 80+					
состоящие в браке	34,8	30,5	17,7	33,1	38,8
овдовевшие	56,1	58,8	67,5	62,8	58,9
разведенные и никогда не состоявшие в браке	9,1	10,7	14,8	4,1	2,4
Всего	100%	100%	100%	100%	100%
N=	932 050	2 333 882	35 145	4 760 001	462 844
Источник: UN (2006), табл. 2.					

В Эстонии, где на одного пожилого мужчину приходится две женщины, также наблюдается гораздо более высокая смертность мужчин, чем женщин (как и в других странах бывшего СССР), и большой гендерный разрыв в средней ожидаемой

продолжительности жизни (табл. 1). В странах, где наблюдается незначительное численное преобладание женщин в старшем возрасте (если смотреть просто гендерное соотношение), можно отметить очень сильные расхождения в гендерном соотношении среди состоящих в браке и овдовевших.

Таблица 3. Гендерное соотношение состоящих в браке и вдовствующих в возрасте от 65 и от 80 лет в Канаде, Франции, Эстонии, Японии и Турции

	Канада, 2001	Франция, 1999	Эстония, 2000	Япония, 2000	Турция, 2000
Возраст 65+					
Гендерное соотношение (Ж/М)	1,34	1,46	2,05	1,39	1,25
Соотношение замужних/женатых (Ж/М)	0,76	0,80	0,81	0,76	0,67
Соотношение вдов/вдовцов (Ж/М)	4,82	5,50	7,00	5,59	4,61
Возраст 80+					
Гендерное соотношение (Ж/М)	1,93	2,17	3,33	2,05	1,54
Соотношение замужних/женатых (Ж/М)	0,54	0,54	0,43	0,45	0,51
Соотношение вдов/вдовцов (Ж/М)	4,93	5,53	7,36	6,15	3,60
Источник: UN (2006), табл. 2.					

В четырех странах, приведенных в табл. 3, в возрасте старше 65 лет вдов примерно в пять раз больше, чем вдовцов (в 4,6 раз в Турции, в 5,6 раз в Японии), но в Эстонии вдов больше уже в 7 раз. В возрасте от 65 лет гендерное соотношение среди состоящих в браке варьируется от 3 женатых мужчин на 2 замужних женщин в Турции (коэффициент гендерного соотношения — 0,67) до 5 женатых мужчин на 4 замужних женщин в Канаде и Эстонии (коэффициент гендерного соотношения — 0,8). Таким образом, в старшем возрасте показатели гендерного соотношения состоящих в браке и овдовевших в этих странах на удивление схожи.

С увеличением возраста гендерные различия состоящих в браке становятся все более ощутимы, в результате чего количество женатых мужчин старше 80 лет в два раза превосходит количество женщин того же возраста в каждой из этих стран (табл. 2.2). Среди овдовевших в той же возрастной группе гендерный состав в странах отличается: в Турции вдов в 3,6 раз больше, чем вдовцов, в Японии — в 6,16 раз, в Эстонии — в 7,36 раз. Эти показатели отражают как гендерные различия в смертности во всех возрастах, так и культурные различия между странами.

Таким образом, мы приходим к важности гендерного соотношения среди овдовевших людей старше 80 лет, поскольку доля таких людей во всех пяти странах составляет около 60% (табл. 2.1). Учитывая, что наибольший уход и поддержка требуются именно людям старше 80 лет, основную группу нуждающихся составляют не просто женщины, а вдовы. Для сравнения: большинство мужчин старше 80 лет все еще состоят в браке (табл. 3) и с большой вероятностью могут рассчитывать на своих жен, если им потребуются уход и поддержка.

Гендерные различия среди состоящих в браке и овдовевших зависят не только от средней продолжительности жизни и возраста вступления в первый брак, но и от разных показателей последующих браков. Так, дополнительный фактор, усиливающий непропорциональное соотношение вдов и вдовцов, заключается в том, что вдовцы чаще, чем вдовы, вступают в повторный брак, в том числе и в более позднем возрасте. Более высокие показатели повторных браков среди мужчин отражают культурные нормы и статусное неравенство полов [Arber, 2013].

Комментарии и заключение

Продолжительность жизни после 65 лет увеличивается во всех обществах, соответственно, растет беспокойство тем, в каком объеме отношения между поколениями позволят обеспечить финансовую поддержку и уход, необходимость в которых увеличивается в связи с активно растущим населением старшего возраста. Мы рассмотрели четыре вида общественных изменений: влияние транснациональной и сельско-городской миграции, растущее участие женщин на рынке труда, сокращение числа домохозяйств, состоящих из нескольких поколений, а также падение рождаемости и увеличение бездетности.

Данные изменения влияют на потоки финансовой поддержки и заботы от одного поколения к другому. Таким образом, на глобальном уровне общественные, культурные и экономические изменения означают, что характер отношений между поколениями меняется и последствия этих перемен отражаются на старшем поколении, особенно на женщинах старшего возраста.

Эти общественные тенденции одновременно уменьшают доступность ухаживающих лиц для немощных пожилых людей, при этом увеличивая роль бабушек и дедушек в заботе о детях. Больше всего это влияет на отсутствие членов семьи, которые будут ухаживать за немощными или недееспособными пожилыми людьми, а именно на существенную брешь в заботе, с которой чаще всего сталкиваются женщины преклонных лет, потерявшие супруга и наиболее незащищенные в большинстве обществ в более позднем возрасте. Именно они составляют самый большой сегмент немощных людей старшего возраста, нуждающихся в уходе.

Политики зачастую относятся к стареющему населению как к однородному. Данная статья сосредоточена на двух источниках разнообразия среди пожилого населения: на гендере и на семейном положении. (Однако такая направленность исследования не отрицает другие важные источники различий и негативные факторы в позднем возрасте.) Почти во всех странах женщины чаще, чем мужчины, доживают до преклонного возраста и по причине возникающего физического или умственного недуга нуждаются в уходе, чтобы оставаться полноправным членом общества.

В Великобритании люди старшего возраста, состоящие в браке, независимо от пола находятся в наиболее благоприятном положении с точки зрения материальных ресурсов, условий жизни и доступности заботы и поддержки [Arber, Ginn, 1991, 1995]. Однако это гендерное сходство между находящимися в браке должно рассматриваться с учетом того, что примерно три четверти мужчин старшего возраста женаты и большинство мужчин на момент смерти еще состоят в браке. И наоборот, преимущества, связанные с замужеством, затрагивают лишь небольшую часть женщин старшего возраста.

Исследования в западных обществах показывают, что вдовы имеют большую вероятность оказаться в условиях бедности, нежели другие люди старшего возраста, состоящие в браке или вдовцы [Ginn, 2003; de Santis et al., 2008]. Вдовы составляют около половины всех женщин старшего возраста в большинстве стран. Необходимы дополнительные исследования по вопросам благополучия вдов и вдовцов и доступности помощи и заботы для них в развивающихся странах, особенно там, где ощущается острая нехватка медицинских услуг и социальной поддержки для людей старшего возраста.

Обширные исследования, проведенные в Великобритании, показывают, что люди старшего возраста, состоящие в браке и утрачивающие трудоспособность, остаются на попечении супруга независимо от пола [Arber, Ginn, 1991, 1992; Rose, Bruce 1995]. В рассмотренных в данной статье странах мужчины старшего возраста с большей вероятностью смогут получать помощь от своих жен, поскольку в старшем возрасте женатых мужчин гораздо больше, чем замужних женщин. В то же время во многих обществах лишь небольшая доля замужних женщин старшего возраста имеет возможность получать небольшую поддержку и уход от своих мужей.

В Азии и в других развивающихся обществах, если женщины старшего возраста, состоящие в браке, немощны или нетрудоспособны, культурные нормы не позволяют им рассчитывать на поддержку со стороны мужа, и они будут вынуждены зависеть от дочерей или невесток (или других родственников), которые в связи с уходом традиции совместного проживания скорее всего не будут проживать рядом с ними.

Семейное положение имеет решающее влияние на потребность старшего поколения в заботе и поддержке со стороны родственников или других лиц, не являющихся членами семьи, а также государственных и частных услуг. Глобальные общественные изменения означают, что женщины старшего возраста имеют большую вероятность остаться одинокими в будущем. Женщины старшего возраста с большей долей вероятности испытывают трудности, вызванные вдовствующим положением, что особенно остро ощущается в странах с неразвитой социальной системой и там, где государство сокращает расходы на социальную поддержку населения.

Список литературы

Age matters: Realigning Feminist Thinking / ed. by T. M. Calasanti, K. F. Slevin. N. Y. : Routledge, 2006.

Albertini M., Kohli M., Vogel C. Intergenerational transfers of time and money in European families: common themes — different regimes? // *Journal of European Social Policy*. 2007. N 17. P. 319—334.

Arber S. Gender trajectories : How age and marital status influence patterns of gender inequality in later life // *Ageing and Diversity : Multiple Pathways and Cultural Migrations* // ed. by S. Olav Daatland and S. Biggs. Bristol : The Policy Press, 2004a. P. 61—76.

Arber S. Gender, marital status and ageing : Linking material, health and social resources // *Journal of Ageing Studies*. 2004b. N 18 (1). P. 91—108.

Arber S. Gender, Marital Status and Intergenerational Relations in a Changing World // *Global Ageing in the 21st Century : Challenges, Opportunities and Implications* / ed. by S. McDaniel and Z. Zimmer. Farnham, Surrey : Ashgate, 2013. P. 215—234.

Arber S., Ginn J. *Gender and Later Life: a Sociological Analysis of Resources and Constraints*. London : Sage, 1991.

Arber S., Ginn J. In sickness and in health : Caregiving, gender and the independence of elderly people // *Families and Households : Divisions and Change* / ed. by C. Marsh and S. Arber. London : Macmillan, 1992.

Arber S., Ginn J. Gender dimensions of the age shift // *The Cambridge Handbook of Age and Ageing* / ed. by M. Johnson. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. Ch. 6.5. P. 527—537.

Arber S., Thomas H. From women's health to a gender analysis of health // *The Blackwell Companion to Medical Sociology* / ed. by W. C. Cockerham. Oxford : Blackwell, 2001.

Attias-Donfut C., Woolf F-C. The redistributive effects of generational transfers // *The Myth of Generational Conflict* / ed. by S. Arber and C. Attias-Donfut. London : Routledge, 2000a.

Attias-Donfut C., Woolf F-C. Complementarity between private and public transfers // *The Myth of Generational Conflict* / ed. by S. Arber and C. Attias-Donfut. London : Routledge, 2000b.

Baker L., Silverstein M. The well-being of grandparents caring for grandchildren in rural China and the United States // *Contemporary Grandparenting: Changing Family Relationships in Global Contexts* / ed. by S. Arber and V. Timonen. Bristol : Policy Press, 2012.

Bould S., Casaca S. F. Aging populations, chronic diseases, gender and the risk of disability // *SOCIUS Working Papers*. 2011. N 2.

Calasanti T. M., Slevin K. F. *Gender, Social Inequalities, and Aging*. Walnut Creek, CA : AltaMira Press, 2001.

Connecting Gender and Ageing / ed. by S. Arber and J. Ginn. Buckingham : Open University Press, 1995.

Contemporary Grandparenting : Changing Family Relationships in Global Contexts / ed. by S. Arber and V. Timonen. Bristol : Policy Press, 2012.

De Santis G., Seghieri C., Tanturri M. L. Economic well-being in old age in Italy: does having children make a difference? // *Genus*. 2008. Vol. LXIV (1—2). P. 75—99.

Doyal L. *What Makes Women Sick : Gender and the Political Economy of Health*. London : MacMillan, 1995.

Estes C. L. Critical gerontology and the new political economy of aging // *Critical Gerontology* / ed. by M. Minkler and C. L. Estes. Amityville, NY : Baywood, 1999.

Estes C. L., Wallace S. P. Globalisation, social policy and ageing : A north American perspective // *The Sage Handbook of Social Gerontology* / ed. by D. Dannefer and C. Phillipson. N. Y. : Sage, 2010.

Fuse K., Crenshaw E. M. Gender imbalance in infant mortality : A cross-national study of social structure and female infanticide // *Social Science and Medicine*. 2006. N 62 (2). P. 360—374.

Gaymu J., Festy P., Poulain M., Beets G. Future Elderly Living Conditions in Europe. Paris : Les Cahiers de l'INED, 2008. N 162.

Gender and Ageing : Changing Roles and Relationships / ed. by S. Arber, K. Davidson, J. Ginn. Maidenhead : Open University Press, 2003.

Ginn J. Gender, Pensions and the Lifecourse : How pensions need to adapt to changing family forms. Bristol : Policy Press, 2003.

Guo M., Aranda M. P., Silverstein M. The impact of out-migration in the intergenerational support and psychological wellbeing of adults in rural China // *Ageing and Society*. 2009. N 29. P. 1085—1104.

Hagestad G. Transfers between grandparents and grandchildren : The importance of taking a three-generation perspective // *Zeitschrift für Familienforschung*. 2006. Vol. 3. P. 315—332.

Hagestad G., Herlofson K. Micro and macro perspectives on intergenerational relations and transfers in Europe // Report from United Nations Expert Group Meeting on Social and Economic Implications of Changing Population Age Structures. N. Y. : United Nations Department of Economic and Social Affairs and Population Division, 2005.

Herlofson K., Hagestad G. Transformations in the role of grandparents across welfare states // *Contemporary Grandparenting : Changing Family Relationships in Global Contexts* / ed. by S. Arber and V. Timonen. Bristol : Policy Press, 2012.

Isaksen L. W., Devi S. U., Hochschild A. R. Global care crisis : A problem of capital, care chain, or commons? // *American Behavioural Scientist*. 2008. N 52. P. 405—425.

Keck W. The relationship between children and their frail elderly parents in different care regimes // *Families, Ageing and Social Policy : Intergenerational Solidarity in European Welfare States* / ed. by C. Saraceno. Cheltenham, UK : Edward Elgar, 2008.

Kohli M., Kunemund H., Motel A., Szydlik M. Families apart? Intergenerational transfers in East and West Germany // *The Myth of Generational Conflict* / ed. by S. Arber and C. Attias-Donfut. London : Routledge, 2000.

Kunemund H. Intergenerational relations within the family and the state // *Families, Ageing and Social Policy : Intergenerational Solidarity in European Welfare States* / ed. by C. Saraceno. Cheltenham, UK : Edward Elgar, 2008.

Manning W. D., Brown S. L. The demography of unions among older Americans, 1980-present : A family change approach // Handbook of Sociology of Aging / ed. by R. A. Settersten Jr. and J. L. Angel. N. Y. : Springer, 2011.

Mutchler J. E., Burr J. A. Race, ethnicity and aging // Handbook of Sociology of Aging / ed. by R. A. Settersten Jr. and J. L. Angel. N. Y. : Springer, 2011.

Rose H., Bruce E. Mutual care but differential esteem: caring between older couples // Connecting Gender and Ageing / ed. by S. Arber and J. Ginn. Milton Keynes : Open University Press, 1995.

Santow G. Social roles and physical health : The case of female disadvantage in poor countries // Social Science and Medicine. 1995. N 40. P. 147—161.

Families, Ageing and Social Policy : Intergenerational Solidarity in European Welfare States / ed. by C. Saraceno. Cheltenham, UK : Edward Elgar, 2008.

Silverstein M., Cong Z., Li S. Intergenerational transfers and living arrangements of older people in rural China : Consequences for psychological well-being // Journal of Gerontology. 2006. N 61B (5). P. 256—266.

United Nations : Demographic Yearbook, Special Census Topics. Vol. 1: Basic Population Characteristics. New York : United Nations, 2006.

United Nations : Demographic Yearbook-2008. N. Y. : United Nations, 2008.

United Nations : Demographic Yearbook-2012. N. Y. : United Nations, 2012.